

Юридические исследования*Правильная ссылка на статью:*

Крипиневич С.С. Правовая определенность и формализация в совершенствовании уголовно-процессуальной формы // Юридические исследования. 2024. № 12. DOI: 10.25136/2409-7136.2024.12.72352 EDN: TSFBSG URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72352

Правовая определенность и формализация в совершенствовании уголовно-процессуальной формы

Крипиневич Светлана Сергеевна

кандидат юридических наук

доцент, заместитель заведующего кафедрой уголовно-процессуального права имени Н.В. Радуной,
Российский государственный университет правосудия

117418, Россия, г. Москва, ул. Новочеремушкинская, 69

✉ s.kripinevich@yandex.ru

[Статья из рубрики "Судебная власть"](#)**DOI:**

10.25136/2409-7136.2024.12.72352

EDN:

TSFBSG

Дата направления статьи в редакцию:

17-11-2024

Аннотация: Предметом исследования представленной статьи выступает уголовно-процессуальная форма. Потребность в совершенствовании уголовно-процессуального права приводит ученых к формированию многочисленных предложений по корректировке его содержания. В основе предложений – стремление к обеспечению эффективности уголовно-процессуальной формы, повышению уровня защиты прав и законных интересов участников. Однако подавляющее большинство высказываемых в уголовно-процессуальной науке мнений, относительно путей совершенствования отечественной уголовно-процессуальной формы связаны с внесением различных дополнений в действующий уголовно-процессуальный закон, а также достаточно однообразной тенденцией совершенствования уголовно-процессуальной формы исключительно способом ее формализации. Подобное усиление формализации приводит к увеличению числа противоречивых правил, которые не соответствуют иным уголовно-процессуальным положениям, не находятся с ними во взаимосвязи. Исследование основано на общенаучных и частно-научных методах познания, что позволило

проанализировать источники по выбранной теме и синтезировать знание о современном состоянии отечественной уголовно-процессуальной форме. Анализ представленных в уголовно-процессуальной науке мнений относительно направлений совершенствования уголовно-процессуальной формы позволил сформулировать значимые теоретические выводы автора рукописи по исследуемому аспекту. В статье формулируется и обосновывается позиция автора о необходимости разнообразить способы совершенствования уголовно-процессуальной формы, в числе которых должны использоваться как детализация уголовно-процессуальной формы, так и ее дифференциация. Ведущим методом совершенствования отечественной процессуальной формы выступает формализация. По мнению автора в реализации указанного способа дальнейшего совершенствования уголовно-процессуальной формы должна сыграть свою позитивную роль индивидуализация, которая, собственно, и «запускает» процесс формализации. В результате исследования автором сформулирована идея заключающаяся в том, чтобы в определенной степени учесть научную концепцию так называемого рамочного процессуального регулирования. Основным условием в этом подходе является признание законодателем и нормативное закрепление полномочий должностных лиц и государственных органов самостоятельно учитывать возникающие обстоятельства или складывающиеся условия в рамках конкретных процессуальных ситуаций и применять альтернативные процедуры для индивидуализации производства.

Ключевые слова:

уголовное судопроизводство, уголовно-процессуальная форма, совершенствование, детализация, формализация, рамочное правовое регулирование, процессуальное решение, индивидуализация, участники уголовного судопроизводства, формальная определенность

Уголовно-процессуальное право Российской Федерации находится в состоянии перманентного совершенствования. Этот процесс объективен по своей сути, необходим и требует пристального внимания не только к содержанию, но и к идеям, которые обеспечивают его целевые установки и к методам осуществления.

В правовой науке высказывается вполне обоснованное и устоявшееся мнение, что «только ориентируясь на четкие и заранее установленные правовые предписания, субъектам права может быть обеспечена возможность планировать собственное поведение, а следовательно, и способность организовывать свою деятельность по собственному усмотрению» [21]. Эта позиция объективно подтверждается в решениях Конституционного Суда РФ: неопределенность положений законодательства им оценивается негативно и трактуется как неисполнение законодателем своей обязанности защищать, охранять конституционные права граждан (Постановление Конституционного Суда РФ от 16 июля 2015 г. № 23-П). Продолжая эту мысль, можно заключить, что только правовая определенность является залогом и главным условием надлежащего обеспечения прав и законных интересов участников правоотношений. Правовая определенность в условиях императивного характера уголовно-процессуального регулирования возможна только при наличии законодательно закрепленных правил. Иными словами, формализация уголовно-процессуальной деятельности выступает объективной потребностью защиты прав и законных интересов участников уголовно-процессуальных правоотношений.

С этим тезисом солидарны известные ученые, справедливо утверждающие, что

формализация непосредственно обеспечивает уголовно-процессуальные отношения «действенными правовыми гарантиями эффективности и доброкачественности промежуточных и окончательных результатов по уголовному делу» [18, с. 74].

Мы в целом можем поддержать эту идею и разделяем ее, но только в определенной части. Критическое отношение вызывает не только сама идея правовой определенности (которая, повторимся, действительно является состоятельной и необходимой), сколько тот тренд, который выработан в том числе в науке уголовного процесса, в раскрытии ее смысла, особенно применительно к уголовно-процессуальному законодательству.

В российской правовой науке сложилось убеждение о том, что правовая определенность является общеправовым принципом [4, 22], смысл которого выражается в максимальной определенности норм права (правового регулирования) [13], определенности соответствующей правоприменительной практики (правоотношений) [20, 81]; определенности результата правоприменительной деятельности (в том числе судебного решения) [14, 9].

Отметим, что современное понимание правовой определенности и оценка ее позитивного значения и воздействия на правоотношения в основном выражается в потребности исключительно подробного законодательного регулирования этих отношений, включая уголовно-процессуальные. И в развитие этого представления, и для усиления его позитивной роли в регулировании уголовно-процессуальных отношений делаются многочисленные предложения о дополнении, конкретизации и детализации уголовно-процессуального закона.

Интересным в свете обсуждаемой проблемы выглядит утверждение: «Собиранию сведений о фактах и закреплению их в предусмотренных законом источниках отводится важнейшая роль. Это обстоятельство должен был учесть и надлежащим образом отрегулировать законодатель, разрабатывая и законодательно закрепляя институт допустимости (недопустимости) доказательств. Чего, к сожалению, не произошло. В результате правоприменитель столкнулся с проблемами при оценке допустимости доказательств» [2]. Автор приведенной позиции целиком поглощен идеей подробного и максимально конкретного законодательного регулирования уголовно-процессуальной деятельности суда в части оценки допустимости доказательств. Соглашаясь в этом конкретном случае, что допустимость имеет формальные основания, мы не можем не выразить сомнений относительно необходимости настолько подробного формального регулирования указанной сферы уголовного судопроизводства.

В указанном отношении показательными являются и большинство научных результатов правовых исследований, когда практически каждое из них завершается предложениями о совершенствовании уголовно-процессуальной формы, как правило, детализирующих отдельные ее элементы.

Приведем лишь некоторые примеры с иллюстративной целью:

- предлагается регламентировать процедуру зачета времени при избрании иных мер пресечения в срок наказания (ст. 109 УПК РФ) [11, с. 24];
- обосновывается внесение дополнений, необходимых для учета особенностей и определения условий замены ненадлежащего гражданского ответчика, а также требуются четкие указания в УПК РФ для принятия судами решений об оставлении

гражданского иска без рассмотрения [\[19, с. 9,11\]](#);

– необходимо императивное установление ценовых рамок судебского усмотрения, но и перечня обязательных для судебной оценки обстоятельств при расчете сумму возмещения морального вреда [\[23\]](#);

– требуется внесение изменений в п. 3.2 ст. 196 УПК РФ в части назначения и производства психиатрических судебных экспертиз [\[1, с. 14\]](#).

Высказывается мнение, что «... смысл процессуальных отраслей права как раз и состоит в формализации применения норм права материального, а в части уголовного процесса – также и формализации привлечения к уголовной ответственности. Чем сложнее структурирована уголовно-процессуальная форма, тем она совершеннее, поскольку формальности – это как раз то, что в конечном счете защищает каждого из нас» [\[24\]](#).

Чем важны приведенные и иные предложения и мнения? На наш взгляд, каждая из них демонстрирует авторскую позицию по регулированию и порядку осуществления вполне конкретных уголовно-процессуальных действий либо принятию соответствующих процессуальных решений. Однако основное, в чем они совпадают – это внесение новых или дополнительных императивных правил в формальную (законодательную) основу. Причем в ряде случаев ученые не задумываются о том, что сформулированные ими проблемы могут быть решены и иными (помимо корректировки закона) способами.

С нашей точки зрения, принятие приведенных и иных высказанных в науке предложений имеет весьма высокую вероятность того, что выраженное в них стремление к правовой определенности, а, следовательно, и к усилинию формализации регулирования приведет не к повышению уровня обеспечения прав и законных интересов, а к полной своей противоположности – нарушению и неправомерному их ограничению, вследствие невозможности выполнить все многочисленные правила, установленные законодателем. Полагаем, это путь в тупик: когда формализация одного направления, системно влечет аналогичную формализацию взаимосвязанных сфер и все вместе ведет к детализации, фрагментарности правил процедуры. Каков итог такого подхода? А итогом выступает слабая систематизация детальных правил, что приведет к противоречиям в регулировании нескольких процессуальных институтов, и, как следствие, к правовой неопределенности, потребующей продолжения детализации уголовно-процессуальной формы.

Схожей точки зрения придерживается И. И. Гусева, отмечающая, что «излишний формализм в уголовно-процессуальной деятельности требует энергетических, временных, материальных затрат, искусственно усложняет процесс, поглощает его содержание и замедляет судопроизводство, порождает бездушный формализм» [\[5, с. 19\]](#).

Важной в контексте высказанной критической оценки формализации представляется точка зрения о том, что «не все научные проблемы стоит решать в судебно-властном порядке (это касается и вопроса о природе судебного решения), но уже само их осознание, "проговаривание" позволит обеспечивать единство судебной практики на совершенно ином уровне» [\[27, с. 150\]](#).

В сфере активной дискуссии находится идея «ослабить» формализацию уголовного судопроизводства пока еще не имеет широкого распространения, хотя в ее пользу высказываются видные ученые. С. В. Романов в своей работе отмечает, что, чрезмерная формализация сроков уголовного процесса, особенно в его судебных стадиях, также

недопустима [17, с. 304]. По мнению А. И. Цыреторова «чрезмерная формальная определенность уголовного судопроизводства является одним из факторов, снижающих эффективность правоприменительной деятельности» [25].

О том, что формализация уголовного судопроизводства не всегда способствует надлежащему обеспечению прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства отмечает М. Ю. Лебедев [10]. Не менее категорично о формализации высказывается М. П. Поляков [15, с. 16]. П. С. Пастухов, как негативную отмечает тенденцию к чрезмерной формализации уголовного судопроизводства [12, с. 153].

«Повсеместная формализация прав и обязанностей отдельных субъектов процессуальной деятельности (в особенности создание новых участников) не должна приводить к деформации классических процессуальных статусов» – делает вывод А. Ю. Чекотков [26].

«...в России (впрочем, и в целом на территории СНГ, по опыту переводчика) этот «торжественный» формализм достиг своей вершины» – отмечается в одной из работ [16].

Примеры аналогичных высказываний ученых можно продолжать. Однако, думаем, что и указанных случаев достаточно, чтобы проиллюстрировать остроту дискуссии и ее масштаб. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что противники не отрицают пользу формализации в целом. Однако, обстоятельно анализируя возникающие в связи с формализацией уголовного судопроизводства проблемы, ученые отмечают нежелательность излишней или избыточной ее степени. И в этой части полагаем слабость научной позиции заключается в том, что критерии формализации, те рамки, за пределами которых, формализация становится избыточной, практически не предлагаются. Соответственно судить о том, где в оценке формализации нужно поставить знак «плюс», а где «минус» не представляется возможным.

Так, например, полагаем вряд ли можно отрицать существование потребности в уточнении отдельных процессуальных правил. В качестве примера можно привести ситуацию с отсутствием единобразия в разрешении судами вопроса об основаниях взыскания расходов на адвоката в пользу реабилитированного лица по делам частного обвинения, а также о том, какие обстоятельства подлежат при этом установлению судом. Причина этой ситуации – правовая неопределенность, порождаемая отсутствием достаточного регулирования.

Можно привести и часто используемый в науке пример наделения защитника полномочием собирать доказательства (ч. 3 ст. 86 УПК РФ), но при этом остался без внимания законодателя механизм его реализации, что привело к правовой фикции. Или, вводя дополнительные преимущества для предпринимателей, обвиняемых в экономических преступлениях, подробно регулируя порядок избрания в их отношении мер пресечения, законодатель не предусмотрел возможность вменения совокупности составов, что дало возможность правоприменителям избирать заключение под стражу для предпринимателей, не обращая внимания на установленный запрет такого избрания, мотивируя свои решения тем, что законодатель установил соответствующий запрет только для обвиняемых по исключительно экономическим статьям уголовного закона.

С другой стороны, в одной из работ вполне уместно ставится вопрос относительно соблюдения права на пользование родным языком и способов преодоления злоупотребления этим правом. Отмечается, что органы предварительно расследования должны оценивать ситуацию, когда заявляется ходатайство о предоставлении

переводчика, индивидуально, а не предоставлять переводчика автоматически после заявления ходатайства [3, с. 23]. Получается, что удовлетворение ходатайства о предоставлении переводчика оценивается как жестко формализованная обязанность, при этом уровень формализации рассматривается как избыточный. На наш взгляд, такая критика является не вполне обоснованной и нуждается в дополнительных обоснованиях.

С точки зрения критериев оценки уровня формализации интерес представляет правовая позиция, в которой Конституционный Суд РФ отмечает правовую неопределенность, порождающую «возможность неограниченного усмотрения правоприменительных органов при определении процессуальных прав и обязанностей участников уголовного судопроизводства, что, в свою очередь, означает нарушение вытекающего из Конституции Российской Федерации принципа юридического равенства, которое, ..., может быть обеспечено лишь при условии единообразного применения правовых норм, возможного только при наличии их формальной определенности, точности, ясности, недвусмысленности и согласованности в системе действующего правового регулирования» (Постановление Конституционного Суда РФ от 16 июля 2015 г. № 23-П).

В приведенной выдержке мы обратим внимание на несколько моментов:

- Конституционный Суд РФ не приемлет неограниченного усмотрения, которое, по его мнению, нарушает принцип юридического равенства;
- неограниченное усмотрение является негативным только применительно к определению процессуальных прав и обязанностей участников уголовного судопроизводства;
- условием юридического равенства может быть только единообразие применения правовых норм;
- единообразие же возможно только при наличии формальной определенности правовых норм (Это утверждение многократно повторено и в иных решениях Конституционного суда РФ: Определения от 17 февраля 2015 года № 301-О, от 23 июня 2016 года № 1267-О, от 25 мая 2017 года № 970-О, от 20 декабря 2018 года № 3366-О, от 25 июня 2019 года № 1792-О, от 28 мая 2020 года № 1291-О, от 27 мая 2021 года № 911-О, от 29 сентября 2022 года № 2155-О и др.).

Путем несложных логических операций на основании изложенных тезисов получаем закономерный вывод: неограниченное усмотрение рассматривается как негативный фактор, устраниТЬ который можно исключительно посредством формализации правовых норм. И далее, формальная определенность обуславливает постановку перед законодателем задачи по углублению детализации содержания уголовно-процессуальных норм, т.е. насыщение их содержания все большим количеством индивидуально-определенных положений.

Последствием такого рода правовой позиции является расширение законодательного регулирования. Подчеркнем, что этот способ совершенствования законодательной основы уголовного судопроизводства является основным и продолжает активно развиваться.

В свете приведенных соображений считаем возможным высказать собственную позицию относительно поднятой проблемы. Любой механизм с течением времени устаревает, настоятельно проявляется потребность в его обновлении, которое может проходить как путем реконструкции имеющихся элементов, так и посредством замены старых или

дополнением механизма новыми элементами. Это же относится к достаточно однообразной тенденции совершенствования уголовно-процессуальной формы исключительно способом ее формализации.

Одним из альтернативных направлений как способа совершенствования уголовно-процессуального законодательства, в науке выдвигается так называемое рамочное регулирование. Смысл его в следующем: установка общей модели поведения путем расширения предмета правового регулирования [\[6\]](#). При этом, по мнению автора, пределы усмотрения правопримениеля при рамочном правовом регулировании носят «разный характер: могут быть строго установлены нормотворцем либо предполагать учет определенных особенностей (например, исторических, экономических, географических и др.)» [\[7\]](#).

Применительно к определению альтернативных способов совершенствования уголовного судопроизводства еще раз сошлемся на правовую позицию Конституционного Суда РФ, который полагает, что, например, уточнение порядка реабилитации возможно двумя способами: федеральным законодателем путем внесения изменений в действующее законодательство либо Верховным Судом Российской Федерации путем издания разъяснений по вопросам судебной практики (Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 2 июля 2013 г. № 1057-О).

Сопоставляя имеющиеся подходы к регулированию уголовно-процессуальных правоотношений, отметим наличие положительных и отрицательных сторон у каждого.

Так положительные стороны формализации обосновываются основным аргументом – только формализованная процедура способна обеспечить достижение (выполнение) основной функции, ради которой, собственно, и создается уголовно-процессуальная форма – обеспечение прав и законных интересов субъектов уголовно-процессуальных отношений. В развитие этого тезиса отметим, что обеспечение прав и законных интересов – только часть функции уголовно-процессуальной формы. Полагаем, что другую ее часть, не менее значимую, составляет обеспечение публичных интересов. Соответственно уголовно-процессуальная форма в равной степени должна обеспечивать защиту как частных (личных), так и общественных (публичных) интересов. Вне формализации эта функция в полном объеме выполнена быть не может. С этим аргументом мы в целом согласны.

Однако полагаем, что нельзя не замечать растущую проблематичность усиления формализации уголовно-процессуальной формы. Поэтому в части отрицательной ее оценки отметим возрастающие объем и несистемность элементов уголовно-процессуальной формы. Иными словами усиление формализации приводит к увеличению числа противоречивых правил, которые не соответствуют иным уголовно-процессуальным положениям, не находятся с ними во взаимосвязи. Несистемные правовые предписания в сфере уголовно-процессуальной формы создают правовую неопределенность либо приводят как раз к неограниченному усмотрению, против которого активно выступает Конституционный Суд РФ.

Учитывая приведенные факты и обстоятельства можно с уверенностью утверждать, что усиление формализации уголовно-процессуальной формы приводит к результату прямо противоположному ожидаемому и негативно влияющему на уголовное судопроизводство в целом.

Соответственно, усиливающуюся формализацию уголовно-процессуальной формы в

целом мы склонны отнести к числу деструктивных факторов, а его преодоление возможно, на наш взгляд, двумя способами:

- 1) снижение уровня формализации уголовно-процессуальной формы;
- 2) при сохранении уровня формализации повышение требований к систематизации элементов уголовно-процессуальной формы, интегрируемых в уголовно-процессуальное законодательство (и уже в нем предусмотренных).

Второй из указанных способов может и должен быть реализован вне зависимости от дальнейших шагов законодателя по усилению или снижению темпов формализации. Как представляется, систематизация является обязательным условием дальнейшего прогрессивного развития уголовно-процессуальной формы в любом случае. В то же время при сохранении тенденции на повышение уровня формализации процедуры нужно быть готовыми к тому, что уголовно-процессуальное регулирование и дальше будет расширяться, увеличиваясь как количественно, так и углубляясь в качество (содержательно). Иными словами, будут появляться все новые и новые правила, детализирующие процедуру, охватывающие все новые отношения, которые либо существуют сейчас вне правового поля, либо возникнут в обозримом будущем. Соответственно будет сохраняться, а по нашему прогнозу и усиливаться проблема несистемного регулирования уголовно-процессуальной формы, будут углубляться трудности в межотраслевом взаимодействии уголовного судопроизводства. И эти процессы в развитии отечественного уголовного судопроизводства мы не можем рассматривать как позитивные.

Приоритет в развитии уголовно-процессуальной формы нами отдается первому из отмеченных способов, а именно – снижение нормативного давления на процедуру. Каков возможный путь его реализации?

Нам представляется, что в реализации указанного способа дальнейшего совершенствования уголовно-процессуальной формы как это не парадоксально, но должна сыграть свою позитивную роль индивидуализация, которая, собственно, и «запускает» процесс формализации. Однако, рассматривая индивидуализацию как способ введения в правовое поле индивидуально-определеных условий, признаков, оснований и других элементов уголовно-процессуальной формы, требующих правовой реакции, необходимо отметить, что ее потенциал может быть востребован и данном подходе – при снижении уровня формализации уголовно-процессуальной формы.

Наша идея в данном подходе заключается в том, чтобы в определенной степени учесть научную концепцию так называемого *рамочного процессуального регулирования*. Основным условием в этом подходе является признание законодателем и нормативное закрепление полномочий должностных лиц и государственных органов самостоятельно учитывать возникающие обстоятельства или складывающиеся условия в рамках конкретных процессуальных ситуаций и применять альтернативные процедуры для индивидуализации производства.

Такое решение законодателя, по нашему мнению, позволит оперативно учитывать индивидуально-определенные обстоятельства, складывающиеся ситуативно и действовать в рамках процедуры, хотя и не имеющей подробного формального нормативного определения, но отвечающей основным требованиям, определенным нормативно.

Библиография

1. Александров А.Н., Лашенко Р.А. Актуальные вопросы реализации органами предварительного расследования положений, предусмотренных п. 3.2 ч. 1 ст. 196 УПК РФ // Российский следователь. 2019. № 9. С. 12–16.
2. Балакшин В.С. Получение, собирание, формирование доказательств: проблемы толкования и применения при оценке допустимости доказательств // Законность. 2022. № 3. С. 35–36.
3. Буханов А.И. Злоупотребление правом на пользование родным языком участниками уголовного процесса // Российский следователь. 2022. № 6. С. 21–24.
4. Вилкова Т.Ю. Принципы уголовного судопроизводства в законодательстве государств с пандектной и институциональной системой права // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 3. С. 18.
5. Гусева И.И. Унифицированный/дифференцированный подход к структуре уголовного процесса Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир. 2004. – 32 с.
6. Довгань К.Е. Довгань К.Е. Теория рамочного правового регулирования: монография. М.: Юрлитинформ, 2023. С. 14–15.
7. Довгань К.Е., Коваленко Н.Е. Соотношение рамочного и гражданского процессуального правового регулирования // Арбитражный и гражданский процесс. 2024. № 2. С. 19–22.
8. Ковтун Н.Н., Ковтун И.С. Правовая определенность как принцип российского уголовно-процессуального права // Альманахъ. № 1: дискуссионные аспекты развития и применения уголовно-процессуального законодательства / под ред. М.П. Полякова, В.В. Терехина. Казань, 2018. С. 103–110.
9. Кулакова В.Ю. Правовая определенность судебного решения в свете реализации права на судебную защиту в суде кассационной инстанции // Законы России: опыт, анализ, практика. 2014. № 7. С. 9–15.
10. Лебедев М.Ю. Принципы права как основа межотраслевого взаимодействия // Вестник гражданского процесса. 2021. № 3. С. 50–69.
11. Осодоева Н.В. Запрет определенных действий как самостоятельная мера пресечения в уголовном судопроизводстве // Российский судья. 2022. № 10. С. 20–24.
12. Пастухов П.С. Какой характер истины достаточен для реализации механизма уголовной ответственности? // Юридическая истина в уголовном праве и процессе. Сб. ст. по материалам Всерос. науч.-практ. конф. / под общ. ред. К.Б. Калиновского, Л.А. Защепина. СПб.: Петрополис, 2018. С. 153–164.
13. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. 3-е изд., стереотип. М., 2001. С. 89.
14. Поляков С.Б., Сидоренко А.И. Значение принципа правовой определенности в Постановлениях Европейского Суда по правам человека // Адвокат. 2014. № 7. С. 5–10.
15. Поляков М.П. «Процессуальное» и «непроцессуальное» как категории философии уголовного процесса // Уголовное судопроизводство. 2006. № 4. С. 14–19.
16. Прекращение финансового лизинга в связи с недостатками предмета лизинга: от *clausula de rebus sic stantibus* к учению о взаимозависимых договорах // Вестник гражданского права. 2021. № 3. С. 236–319.
17. Романов С.В. Разумный срок уголовного судопроизводства: Курс уголовного процесса / А.А. Арутюнян, Л.В. Брусицын, О.Л. Васильев и др.; под ред. Л.В. Головко. М.: Статут, 2016. – 1278 с.
18. Россинский С.Б. Уголовно-процессуальная форма: сущность, проблемы, тенденции и перспективы развития // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 9. С. 67–79. С. 74.
19. Сойников М.А. Отдельные процессуальные аспекты возмещения вреда, причиненного

- транспортными преступлениями // Российский судья. 2019. № 4. С. 8–12.
20. Султанов А.Р. Восстановление нарушенных прав и правовая определенность // Российская юстиция. 2011. № 4. С. 58–61.
21. Третьяков С.В. Субъективное право, как «последняя абстракция» цивилистики: генезис и структурные компоненты классической волевой теории // Вестник гражданского права. 2020. № 2. С. 18–59.
22. Усачев А.А. Правовая определенность как основа уголовного судопроизводства: от теории к совершенствованию законодательства // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 8. С. 129–140.
23. Хазиева Е.М. Проблема унификации практики определения размера денежной компенсации морального вреда в порядке реабилитации // Российский судья. 2021. № 11. С. 3–7.
24. Цветков Ю.А. Привлечение в качестве обвиняемого-кульминация следственной идеи // Уголовное судопроизводство. 2022. № 1. С. 17–21.
25. Цыреторов А.И. Пути преодоления излишней жесткости уголовно-процессуальных форм // Российская юстиция. 2023. № 8. С. 38–44.
26. Чекотков А.Ю. Формальный и материальный подходы к регулированию процессуального статуса участников уголовного судопроизводства: необходимость установления баланса // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 11. С. 207–213.
27. Шевченко И.М. О понятии «единобразие судебной практики» (на примере дел о банкротстве) // Российский юридический журнал. 2022. № 6. С. 144–155.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования. В рецензируемой статье «Правовая определенность и формализация в совершенствовании уголовно-процессуальной формы» предметом исследования являются принципы уголовно-процессуального права, такие как правовая определенность и формализация .

Методология исследования. Методологический аппарат составили следующие диалектические приемы и способы научного познания: анализ, абстрагирование, индукция, дедукция, гипотеза, аналогия, синтез, типология, классификация, систематизация и обобщение. Использовал автор такие методы научного познания как: формально-логический, сравнительно-правовой, историко-правовой, правового моделирования и др. Применение современных методов научного познания позволило изучить сложившиеся подходы, взгляды на предмет исследования, выработать авторскую позицию и аргументировать ее.

Актуальность исследования. Актуальность темы исследования, заявленной автором, не вызывает сомнения. Автор правильно отмечает, что «уголовно-процессуальное право Российской Федерации находится в состоянии перманентного совершенствования. Этот процесс объективен по своей сути, необходим и требует пристального внимания не только к содержанию, но и к идеям, которые обеспечивают его целевые установки и к методам осуществления. В правовой науке высказывается вполне обоснованное и устоявшееся мнение, что «только ориентируясь на четкие и заранее установленные правовые предписания, субъектам права может быть обеспечена возможность планировать собственное поведение, а следовательно, и способность организовывать свою деятельность по собственному усмотрению». Также можно согласиться с автором

статьи, что «... современное понимание правовой определенности и оценка ее позитивного значения и воздействия на правоотношения в основном выражается в потребности исключительно подробного законодательного регулирования этих отношений, включая уголовно-процессуальные. И в развитие этого представления, и для усиления его позитивной роли в регулировании уголовно-процессуальных отношений делаются многочисленные предложения о дополнении, конкретизации и детализации уголовно-процессуального закона». Действительно, данный вопрос требует дополнительных решений, к числу которых можно отнести новые доктринальные разработки в этой области, в целях совершенствования правового регулирования и правоприменительной практики в этой сфере общественных отношений.

Научная новизна. Не подвергая сомнению важность проведенных ранее научных исследований, послуживших теоретической базой для данной работы, тем не менее, можно отметить, что в этой статье впервые сформулированы заслуживающие внимания положения, например: «...наша идея в данном подходе заключается в том, чтобы в определенной степени учесть научную концепцию так называемого рамочного процессуального регулирования. Основным условием в этом подходе является признание законодателем и нормативное закрепление полномочий должностных лиц и государственных органов самостоятельно учитывать возникающие обстоятельства или складывающиеся условия в рамках конкретных процессуальных ситуаций и применять альтернативные процедуры для индивидуализации производства. Такое решение законодателя, по нашему мнению, позволит оперативно учитывать индивидуально-определенные обстоятельства, складывающиеся ситуативно и действовать в рамках процедуры, хотя и не имеющей подробного формального нормативного определения, но отвечающей основным требованиям, определенным нормативно». Автором по результатам написания статьи сделан ряд выводов и предложений, что указывает не только на важность этого исследования для юридической науки, но и определяет его практическую значимость.

Стиль, структура, содержание. Тема раскрыта, содержание статьи соответствует ее названию. Соблюдены автором требования по объему материала. Статья написана научным стилем, использована специальная юридическая терминология. Статья структурирована. Материал изложен последовательно, грамотно и ясно. Замечаний по содержанию нет.

Библиография. Автором использовано достаточное количество доктринальных источников. Ссылки на источники оформлены с соблюдением требований библиографического ГОСТа.

Апелляция к оппонентам. По спорным вопросам заявленной тематики представлена научная дискуссия, обращения к оппонентам корректные. Все заимствования оформлены ссылками на автора и источник опубликования.

Выводы, интерес читательской аудитории. Статья «Правовая определенность и формализация в совершенствовании уголовно-процессуальной формы» рекомендуется к опубликованию. Статья соответствует тематике журнала «Юридические исследования». Статья написана на актуальную тему, отличается научной новизной и имеет практическую значимость. Данная статья может представлять интерес для широкой читательской аудитории, прежде всего, специалистов в области уголовно-процессуального права, а также, будет полезна для преподавателей и обучающихся юридических вузов и факультетов.